

УДК 1 (091)

М.М. БАХТИН: ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Ю.А. Якушева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассмотрено формирование концепции диалогизма у М.М. Бахтина через анализ основных положений его труда «Автор и герой в эстетической деятельности». Проанализировано наполнение понятий «Я», «Другой», «автор», «герой», использованных в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Выделены характерные черты диалога, которые М.М. Бахтин разовьет в других своих трудах.

Ключевые слова: *неокантианство, диалог, культура, эстетическая деятельность, познание, гуманитарные науки, анализ текста.*

М.М. Бахтин усвоил и творчески переосмыслил многие идеи неокантианства, как отечественного (в лице А.И. Введенского, И.И. Лапшина, Г.И. Челпанова, С.И. Гессена, Г.Д. Гурвича), так и европейских школ этого направления философской мысли – баденской (В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Э. Ласка), марбургской (здесь можно назвать таких философов, как Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер). Отметим, что И.И. Лапшин, С. Гессен, Г. Гурвич являлись учениками профессора А.И. Введенского (1856–1925), с конца 80-х гг. XIX в. вплоть до 20-х гг. XX в. читавшего ряд философских курсов, логику и психологию в Петербургском университете [3, с. 510]. М.М. Бахтин усвоил и творчески переработал многие идеи А.И. Введенского [3, с. 513–530]. М.М. Бахтин увлекся неокантианством марбургской школы во время участия в невеликом кружке под влиянием Матвея Кагана [4, с. 196]. Сравнение текстов показало, что «М.М. Бахтин в своих поздних работах дословно цитировал (без ссылки) параграфы из работ Кассирера “Индивид и космос в ренессансной философии” (1927), “Гёте и исторический мир”, “Философия просвещения” и “Платоновский ренессанс в Англии”» (1932), не забывая также “Философию символических форм” (1923–1929). Конспекты второго тома этого труда, как и конспекты “Индивида и космоса”, найдены в архиве Бахтина» [4, с. 197]. Беседа с видным специалистом по русской литературе В.Д. Дувакиным М.М. Бахтин отметил, что он в тринадцать лет познакомился с творчеством Ф.М. Достоевского, в четырнадцать прочитал «Критику чистого разума», в восемнадцать – Кьеркегора, а вскоре и все три части «Системы философии» Г. Когена [2, с. 40]. М.М. Бахтин также указал, что предводитель марбургской школы неокантианства оказал на него «огромное влияние, огромное» [2, с. 40]. Этические стороны, затронутые некоторыми неокантианцами (в частности, В. Виндельбандом, Г. Риккертом, Г. Когеном) были важны для раннего М.М. Бахтина.

Общим у философии М.М. Бахтина и неокантианства является, прежде всего, внимание к духовному бытию человека, к духовной составляющей культуры. Ни человек, ни наука, ни культура не сводятся исключительно к материальному миру; их нельзя определить через категории материального бы-

тия, видеть только в свете конкретных, физически осязаемых, количественно измеряемых явлений, показателей: «Самым обычным явлением даже в серьезном и добросовестном историко-литературном труде является черпать биографический материал из произведений и, наоборот, объяснять биографией данное произведение, причем совершенно достаточными представляются чисто фактические оправдания, то есть попросту совпадение фактов жизни героя и автора, производятся выборки, претендующие иметь какой-то смысл, целое героя и целое автора при этом совершенно игнорируются; и следовательно, игнорируется и самый существенный момент – форма отношения к событию, форма его переживания в целом жизни и мира» [1, с. 13]. В самом начале работы М.М. Бахтин предлагает отказаться от формального, фрагментарного взгляда на текст и анализировать его через понятие «целое». Гуманитарные науки, как явствует из философии М.М. Бахтина, следует анализировать с позиции целостного ценностно-смыслового подхода. Философ выступает категорически против «сухого», фактологического, объективного объяснения, толкования текста: «Особенно дикими представляются такие фактические сопоставления и взаимообъяснения мировоззрения героя и автора: отвлеченно-содержательную сторону отдельной мысли сопоставляют с соответствующей мыслью героя. Так, социально-политические высказывания Грибоедова сопоставляют с соответствующими высказываниями Чацкого и утверждают тождественность или близость их социально-политического мировоззрения» [1, с. 13–14]. М.М. Бахтин вслед за неокантианством утверждает огромную важность, уникальность бытия личности и ее несводимость к сухо изложенным фактам биографии. Отметим, что создатель текста реагирует на своего героя, причем держит в поле зрения не отдельные черты его характера, а всего его в совокупности его индивидуальности: «в основе реакции автора на отдельные проявления героя лежит единая реакция на целое героя, и все отдельные его проявления имеют значение для характеристики этого целого, как моменты его. Специфически эстетической является эта реакция на целое человека-героя, собирающая все познавательно-этические определения и оценки и завершающая их в единое и единственное конкретно-воззрительное, но и смысловое целое. Эта тотальная реакция на героя имеет принципиальный и продуктивный, созидающий характер» [1, с. 10].

М.М. Бахтин, так же, как и различные представители неокантианства, постулирует творческую активность человека, показывает важность в познании эмоциональной сферы деятельности человека: «Я создаю активно внешнее тело другого как ценность тем, что я занимаю определенную эмоционально-волевою установку по отношению к нему, именно к другому; эта установка направлена вперед и не обратима на меня самого непосредственно. Переживание тела из себя – внутреннее тело героя объемлется его внешним телом для другого, для автора, эстетически оплотняется его ценностною реакцией» [1, с. 48].

М.М. Бахтин предлагает обратить внимание на смысловое и ценностное наполнение текста, ценности и смыслы, важные для создателя этого текста. Эти смыслы и ценности существуют не сами по себе: они взаимодействуют друг с другом через «я» и «Другого», через «внешнее тело» и «внутреннее» [1, с. 51]. Бахтин вносит в неокантианство экзистенциальную тематику тем, что утверждает необходимость познания через Другого, через

взаимодействие ценностей и смыслов Я и ценностей и смыслов «Другого». Другой – это не просто индивид, это еще и категория, позволяющая, насколько это возможно, осознать, «объективировать» смысл. Задать границы, очертить ценностный мир человека позволяет только наличие Другого. Душа до взгляда на нее Другого представляет собой нечто целое и неуловимое, обособленное, незавершенное. Присутствие этой души может быть зафиксировано только Другим. Душа – продукт активности духа другого человека, искусство в данном случае предстает неким обрамлением этой души, возникающей под любящим взглядом [1, с. 123]. Диалог Я и Другого никогда не прерывается, он вечен: «Моя активность продолжается и после смерти другого, и эстетические моменты начинают преобладать в ней (сравнительно с нравственными и практическими): мне предлежит целое его жизни, освобожденное от моментов временного будущего, целей и долженствования. За погребением и памятником следует *память*. Я имею *всю жизнь* другого *вне* себя, и здесь начинается эстетизация его личности: закрепление и завершение ее в эстетически значимом образе» [1, с. 101]. Иными словами, феномен ценностей и смысла объясняется М.М. Бахтиным через вневременной диалог. В философии М.М. Бахтина важен не единичный индивид, а «мы», его понимание диалога изначально базировалось на своеобразии, самобытности бытия личности [6, с. 130].

Таким образом, основной теоретический каркас концепции диалогизма дан в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Автор и герой – два целых, автор через духовную активность пытается охватить целое героя: «каждый момент произведения дан нам в реакции автора на него, которая объемлет собою как предмет, так и реакцию героя на него (реакция на реакцию); в этом смысле автор интонирует каждую подробность своего героя, каждую черту его, каждое событие его жизни, каждый его поступок, его мысли, чувства» [1, с. 9]. Герой – другой по отношению к автору, причем автор знает все о своем герое, он владеет как эстетической целостностью текста, так и всем внутренним миром героя. Причем целое персонажа не нечто зафиксированное, данное раз и навсегда, но исходящее от автора, разворачивающееся по мере повествования [1, с. 16]. Здесь автор напоминает бога, таким, как он показан в христианстве. Герой не завершен, однако сознание автора ограничивает его [1, с. 17]. Подобное свойство автора напоминает одну из характеристик бога в христианстве (вездесущ). Герой при этом наделен свободой воли, несмотря на то, что существует в мире, созданном автором. «Продуктивное отношение автора к герою – отношения напряженной вневходимости автора всем моментам героя, пространственной, временной, ценностной и смысловой вневходимости, позволяющей собрать *всего* героя, который изнутри себя самого рассеян и разбросан в заданном мире познания и открытом событии этического поступка, собрать его и его жизнь и восполнить *до целого* теми моментами, которые ему самому в нем самом недоступны» [1, с. 18]. Герой – носитель смыслового жизненного содержания, автор – носитель эстетического завершения его. Пространство и время при этом еще не выделяются М.М. Бахтиным в отдельные категории. Пока он различает «пространственную форму героя» и «временное целое героя», пишет он о них в связи со спецификой героя текста. М.М. Бахтину пока гораздо важнее подчеркнуть, что и автор, и герой и читатель являются самостоятельными единицами, стоящими отдельно по отноше-

нию друг к другу, однако взаимодействующими благодаря наличию ценностей, способов оценки. Слагаемыми культуры являются такое свойство человека, как «внезаходимость», и способность человека вступать во взаимодействие с другими, вставать на их точку зрения: «Одно, что является для нас здесь существенно важным, не подлежит сомнению: действительное, конкретное ценностное переживание человека в замкнутом целом моей единственной жизни, в действительном кругозоре моей жизни носит двоякий характер, я и другие движемся в разных планах (плоскостях) видения и оценки (действительной, конкретной, а не отвлеченной оценки), и, чтобы перевести нас в одну и единую плоскость, я должен стать ценностно вне своей жизни и воспринять себя как другого среди других; эта операция совершается без труда отвлеченной мыслью, когда я подвожу себя под общую с другим норму (в морали, в праве) или под общий познавательный закон (физиологический, психологический, социальный и проч.), но эта абстрактная операция очень далека от конкретного и ценностно наглядного переживания себя как другого, от видения своей конкретной жизни и себя самого – ее героя – в одном ряду с другими людьми и их жизнями, в одной плоскости с ними. Но это предполагает авторитетную ценностную позицию вне меня. Только в так воспринятой жизни, в категории *другого* мое тело может стать эстетически значимым, но не в контексте моей жизни для меня самого, не в контексте моего самосознания» [1, с. 58]. М.М. Бахтин подчеркивает здесь также губительность монологизма: погружение в себя приводит к эстетической и ценностной гибели, к утрате значения и больше – смысла.

Не только литературное творчество подчинено взаимодействию Я и Другого, все бытие человека определяется взаимодействием Другого и Я, сама личность человека не существует сама по себе, вернее, не может быть им осознана: «Менее всего в себе самом мы умеем и можем воспринять данное целое своей собственной личности» [1, с. 10]. Взаимодействие это не ограничено во времени и представляет собой не просто процесс обмена или влияния, но именно процесс дарения, ключевыми составляющими которого являются свобода и любовь.

В конце работы автор еще раз подчеркивает, что художественное произведение содержит двоих взаимодействующих лиц: героя, который оказывается пусть и реальным, но пассивным, и автора, который выступает в роли некоего созерцателя, отличительной чертой которого признается доброта, которой аксиологически противостоит герой [1, с. 184]. Здесь важным оказывается и то, что событие всегда совершается на границе и участвуют в событии всегда двое. Иными словами, культура всегда возникает на стыке, на границе, в диалоге. Погружение в Я или же целиком в жизнь, утрата диалогизма приводят к упадку культуры [1, с. 187]. Границы существуют благодаря прочности определенной системы ценностей, принятой всеми. Утрата или уничтожение этой системы приводят к исчезновению определяющей характеристики как автора, выступающего в качестве создателя текста культуры, так и героя, даже читателя – внезаходимости: «Ясно, что это предполагает существенную ценностную уплотненность атмосферы; там, где ее нет, где позиция внезаходимости случайна и зыбка, где живое ценностное понимание сплошь имманентно изнутри переживаемой жизни (практически-эгоистической, социальной, моральной и проч.), где ценностный вес жизни действительно переживается лишь тогда,

когда мы входим в нее (вживаемся), становимся на ее точку зрения, переживаем ее в категории "я", – там не может быть ценностно длительного, творческого промедления на границах человека и жизни, там можно только передразнить человека и жизнь (отрицательно использовать трансгredientные моменты)» [1, с. 187].

В рассуждениях М.М. Бахтина о Я и Другом чувствуется также влияние христианства с его идеей любви к ближнему (у Бахтина – «Душа – это совпадающее само с собою, себе равное, замкнутое целое внутренней жизни, постулирующее внеаходящуюся любящую активность другого» [1, с. 123]). М.М. Бахтин говорит о Я и Другом как духовных явлениях, отдает безусловный приоритет идеальному, вечному, сфере духа, а не материальной сфере. Поэтому рассмотрение эстетики у М.М. Бахтина сопрягается с нравственной проблематикой.

М.М. Бахтин не допускал, как видно в работе «Автор и герой в эстетической деятельности», зависимости души человека от вещей, не признавал, что предметы определяют бытие человека и культуру. Человека М.М. Бахтин рассматривает как личность, наделенную свободой, в том числе и выбора, а не как «машину» или производную от быта. Он говорит о субъектно-объектной природе ценностей, т. е. субъект и познает, и переживает объект и себя самого.

Важным моментом в концепции диалогизма М.М. Бахтина служит то, что диалог предстает как бытие, возникшее благодаря связи человека и мира, человека и человека как равновеликих величин. Суть диалога – во взаимодействии Я и Другого: «Подобно тому как сюжет моей личной жизни создают другие люди – герои ее (только в жизни своей, изложенной для другого, в его глазах и в его эмоционально-волевых тонах я становлюсь героем ее), так и эстетическое видение мира, образ мира, создается лишь завершенной или завершимой жизнью других людей – героев его. Понять этот мир как мир других людей, свершивших в нем свою жизнь, – мир Христа, Сократа, Наполеона, Пушкина и проч., – первое условие для эстетического подхода к нему» [1, с. 105].

Бахтин противопоставляет диалогизм, как метод познания, монологизму, что следует из его признания Я и Другого равноправными субъектами, личностями. Отношение человека с человеком в познании задает диалогическую основу знания, истины, важность личностных особенностей субъекта в ее постижении.

У М.М. Бахтина диалог выступает как некий способ описания целостности автора, героя и человека и, в то же время, способ регистрации изменчивой и никогда не завершающейся природы человека, установления возможности развития индивида. Уже в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» мы видим, что диалог крайне антропологизирован. При этом важными составляющими диалога являются черты, которые явно напоминают христианские добродетели: доверие, доброта, любовь и пр. Бытие у Бахтина не нечто данное, застывшее, а совокупность событий, так бытие бесконечно варьируется, приобретает новое содержание, выступая результатом социальной деятельности людей, строящих свои отношения на базе диалога.

Как мы увидели, М.М. Бахтин не был сторонником идеи, что предметный мир задает внутренний мир человека, обуславливает его душу, ибо этот мир ограничивает «событие бытия». Личность не идентична материальной

стороне, быту, т. к. она не может быть завершённой, исчерпанной. Ученый признавал рациональность мышления, однако идеи неокантианства рассматривались им на фоне нравственных проблем. М.М. Бахтин «отрицает диктат монологизма. Поэтому ценностно устанавливаться человек может только вне этого диктата, в области, где есть отношение “Я” – “Другой”, в котором не познание создает ценности (как например, у Риккерта), а живой деятельный субъект» [6, с. 137]. Поэтому ни в анализируемом труде М.М. Бахтина, ни в последующих мы не найдем универсальной логичной системы ценностей. В своей философии он активно показывал, что непреходящая ценность – это культура. Он отказался от рассмотрения ценности как идеального бытия, соотносящегося с «трансцендентальным» сознанием. У М.М. Бахтина «ценность может существовать и без меня, но ни как “в-себе-значимый мир”, что не устраняет пропасть между миром культуры и миром человека» . [6, с. 138]. Он утверждал, в отличие от И. Канта, зависимость ценности от индивидуальных условий жизни человека. М.М. Бахтин внес в понимание культуры (и шире, гуманитарного познания) экзистенциальный момент, ибо гуманитарное познание строго индивидуализировано, существует в контексте взаимодействия Я и Другого, их ценностно-волевых установок. Различия и конфликты между гуманитарных наук, необходимость их объективации и субъективность человека снимаются у М.М. Бахтина через диалог, который разрешает существующие противоречия. М.М. Бахтин, как пишет В.Л. Махлин, осуществил «поворот философии от умозрительных систем, от “Konstruktionen” (как выражался В. Дильтей)... Бахтин... зафиксировал... отход от научного идеализма “системы философии” и “философии культуры” как “обедняющих теорий“, общее (захватившее в 1920-е годы уже и неокантианство) движение от “гносеологизма всей философской культуры XIX и XX веков” к действительной социальной событийности опыта мира жизни в прошлом и настоящем...» [5, с. 446–447].

Список литературы

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Бахтин М.М. Разговоры с В.Д. Дубакиным. М.: Согласие, 2002. 432 с.
3. Бонеева М.К. М.М. Бахтин и традиции русской философии // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. Кн. 1: 20-50-е годы / под ред. В. Лекторского; примеч. В. Лекторского; сост. В. Лекторский. М.: РОССПЭН, 1998 . С. 509–532.
4. Ковельман А.Б. Мидраш и неокантианство на фоне русской поэзии и филологии // Эллинизм и еврейская культура. М.: Мосты культуры; Гешарим, 2007. С. 196–198.
5. Махлин В.Л. Бахтин и неокантианство (подступы к проблеме) // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) , 2010. 567 с.

- б. Пантюшин А.И. Этика неокантианства и творчество М.М. Бахтина: дис. ... канд. философ. наук. Саранск, 2000. 147 с.

**M.M. BAHNIN: ON THE WAY OF FORMATION OF
DIALOGICAL PHILOSOPHY**

Y.A. Yakusheva

Tver State University, Tver

The article examines the formation of M.M. Bahtin's dialogism concept on the basis of the analysis of the main provisions of his work «The Author and the Hero in Aesthetic Activity». It is focused on determining the content of the concepts «I», «Other», «author», «hero» used in the work «The Author and the Hero in Aesthetic Activity». Thus, it becomes possible to define the characteristic features of dialogue that will be further developed in M.M. Bahtin's works.

Keywords: *neo-Kantianism, dialogue, culture, aesthetic activity, cognition, humanities, text analysis.*

Об авторе:

ЯКУШЕВА Юлия Александровна – аспирант кафедры философии и истории культуры, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: julia_jakusheva@rambler.ru

Author information:

YAKUSHEVA Julia Aleksandrovna – PhD student of the Department of philosophy and history of culture, Tver State University, Tver. E-mail: julia_jakusheva@rambler.ru